

Они застыли в клубящемся тумане, выжидая. Вскоре сквозь белесую пелену проступил неясный силуэт — человек шел торопливо, спотыкаясь от страха.

На незнакомце не было маски Нуо, и Коу Дун мгновенно его узнал. Это была женщина средних лет — тот самый Бычий дух, на которого сегодня пало подозрение. Она сильно хромала, точно повредила ногу, и ковыляла прямо к ним. Однако, разглядев белое одеяние Коу Дуна, женщина резко замерла.

Хрипло и тяжело дыша, она уставилась на юношу полным настороженности взглядом.

Коу Дун примирительно поднял ладони, показывая, что не причинит ей вреда.

Женщина долго всматривалась в его лицо. Убедившись, что незнакомец в белом не сдвинулся с места, она заковыляла дальше, к концу улицы. И пусть каждый шаг давался ей с трудом, главное — она уцелела.

Для Коу Дуна это уже было добрым знаком.

— Уходим? — спросил Е Яньчжи.

Если они задержатся, разгневанные крестьяне быстро вычислят виновников ночного переполоха, и тогда выбраться без драки вряд ли удастся.

— Идем, — согласился Коу Дун.

Они бесшумно скользнули обратно по узкому переулку. Из раскинувшихся по обе стороны домов уже доносился скрип открывающихся дверей — сонных жителей разбудил истошный детский плач. Кое-кто из мужчин уже выходил на порог, сжимая в руках увесистые дубины. Задержись Коу Дун хоть на пару минут, и разъяренная толпа перекрыла бы ему дорогу.

Стоило Коу Дуну проскользнуть в собственную комнату, как тяжесть, давившая на грудь, наконец отступила. Снаружи бушевал хаос: топот десятков ног и яростные крики сливались в сплошной гул.

— Ночка предстоит бурная, — негромко заметил он.

— Так им и надо, — отозвался Е Яньчжи. — Спокойной жизни они все равно не заслужили.

Мальчик по-прежнему не питал ни капли сочувствия к этим неблагодарным тварям и теперь во многом понимал мотивы Злого божества.

Спрыгнув с плеча юноши на кровать, он с легким прищуром спросил:

— Почему ты сегодня расспрашивал Циньтуна про сандаловое дерево? Что-то заподозрил?

Коу Дун никогда не тратил слова впустую, когда дело касалось разгадки тайн. Любой его вопрос преследовал четкую цель.

— Хотел проверить одну догадку, — отозвался Коу Дун.

— И как? Подтвердилась?

Коу Дун тихо рассмеялся:

— Один в один.

—...

Расслабившись, Коу Дун тяжело откинулся на подушку и уставился в высокий темный потолок.

«Осталось прояснить лишь одну деталь, — мысленно рассуждал он. — Зачем ему мстить? Каков истинный мотив?»

Интуиция подсказывала: именно здесь кроется ключ к полному прохождению этого кошмарного мира.

На следующее утро в деревне не загремели ритуальные гонги и барабаны — хоронить сегодня никого не собирались.

Открыв глаза, Коу Дун обнаружил у себя в изголовье маску Чжун Куя. Все вернулось на круги своя, будто они снова оказались в самом первом дне.

Выйдя на улицу, он заметил одного из игроков в маске Нуо, сидевшего на корточках посреди дороги и что-то сердито бормотавшего себе под нос. Голос показался знакомым, и Коу Дун легонько похлопал бедолагу по плечу. Тот обернулся — сегодня его лицо скрывало обличье Божества очага.

Она смерила Коу Дуна взглядом с ног до головы:

— Опять Чжун Куй?

Тот кивнул.

— Повезло тебе, — со вздохом зависти протянула вчерашний Эрлан-шэнь, а ныне Божество очага. — Говорят же, Чжун Куй нечисть всякую за версту чует и изгонять умеет...

Коу Дун лишь загадочно улыбнулся и перевел разговор в другое русло:

— А ты чего тут высиживаешь?

— Да вот, наблюдаю за местными, — Божество очага мотнула головой в сторону ближайших изб. — С ними явно творится что-то неладное.

«Что-то неладное» — это еще мягко сказано. В деревне стоял невообразимый гвалт. Из окон доносились звуки бьющейся посуды, крики и плач. Один из крестьян внезапно вылетел из калитки и с диким воплем принялся иступленно биться головой о глинобитную стену.

Улицы Шаньхай превратились в настоящий сумасшедший дом.

Отлично понимая истинную причину этого массового психоза, Коу Дун сохранил полную невозмутимость.

— И давно это началось? — спросил он.

— Понятия не имею, — развела руками собеседница. — Утром проснулись — а они уже все с катушек съехали. Видать, совесть за старые грехи замучила.

— С чего ты взяла, что дело в совести, а не в происках злых сил? — любопытствовал Коу Дун.

Девушка уставилась на него сквозь прорези маски, словно услышала величайшую глупость.

— Да брось ты, — она указала пальцем на забившегося под навес соседа, который тупо пялился в одну точку. — Ты на их туши посмотри. А на старосту нашего прыткого? Да кто такую прорву обидеть посмеет?

Вдруг ее голос упал, наливаясь тяжелой, свинцовой злобой.

— Получили то, что заслужили. Сами себя в гроб загнали.

В этом вопросе ее мнение на удивление точно совпало с позицией Е Яньчжи.

Коу Дун промолчал, едва заметно пригнувшись. Затем он перевел спокойный, изучающий взгляд на мечущихся в панике людей.

— Верно, — негромко отозвался он, сощурившись. — И винить-то им, кроме себя, некого.

Когда реальность слишком уродлива, люди склонны лгать себе. А со временем начинают навязывать эту ложь и всем вокруг.

«Все это просто страшный сон...»

«Ничего этого не было, это морок...»

Они повторяли это как заклинание так часто, что в конце концов поверили сами. И неважно, что на похоронах соседей все безудержно веселились; неважно, что время для них остановилось и никто больше не старел; неважно, что разбитый параличом староста вдруг начал резво бегать, а соседские ребятишки годами не прибавляли ни вершка в росте... Они упрямо твердили себе, что все это лишь обман чувств.

Им отчаянно хотелось верить, что в деревне Шаньхай живут обычные люди, а истинные святотатцы и грешники — это заезжие чужаки.

Но сколько ни повторяй ложь, правдой она не станет.

И вот Коу Дун безжалостно сорвал эту пелену с их глаз.

Обнажилась суровая, кровоточащая реальность, неподъемным грузом рухнувшая на плечи жителей.

Деревня Шаньхай наконец-то вспомнила то, что так упорно пыталась предать забвению. Содеянное злодеяние оказалось настолько чудовищным, что буквально лишало их рассудка.

Они покусились на божество.

Они хладнокровно убили своего бога...

Местные безумцы больше не обращали на игроков внимания, что значительно облегчило поиски улик. Попрощавшись со спутницей, Коу Дун в одиночку направился к святилищу. Охрана у входа испарилась, словно ее никогда и не было.

Не таясь, он уверенно толкнул тяжелые деревянные створки и вошел внутрь.

Лик идола утратил прежнее милосердное выражение. Каменное божество взирало на расстилающуюся перед ним панораму людского безумия с явной, едва скрываемой издевкой. На его губах застыла холодная усмешка.

Е Яньчжи, которому этот самозванный покровитель тоже изрядно надоел, брезгливо фыркнул:

— Какая мерзкая рожа.

Коу Дун:

—...

«Что-то мой мелкий в последнее время совсем озлобился».

Коу Дун аккуратно погладил крошечную щеку пальцем, пытаясь его успокоить.

Вся воинственность Е Яньчжи мгновенно улетучилась, уступив место ласке. Он обхватил палец юноши обеими ручонками и доверчиво прижался к нему теплой щечкой.

Коу Дун еще раз внимательно пересчитал лампы в глубине зала.

Ровно сто пятьдесят семь. Осталось выяснить точную численность выживших крестьян.

Задача непростая: не ходить же по дворам с переписью населения.

Чай, не государственные чиновники.

— Раз плюнуть, — беззаботно бросил Коу Дун. — Выманим их всех разом.

— И как же? — скептически уточнил малыш.

Столь легкий тон напарника заставил его насторожиться.

Не успело эхо вопроса затихнуть, как Коу Дун уверенно протянул руку к ближайшей масляной лампаде.

Е Яньчжи недоуменно моргнул.

Юноша сощурился, оценивая ровное, яркое пламя.

— Масла-то тут сколько скопилось, — протянул он с хитрецей в голосе.

Тон его не предвещал ничего хорошего.

У Е Яньчжи поползли вверх брови.

Коу Дун вытащил из алтарной курильницы охапку благовонных палочек и поднес их к фитилю. Тлеющие кончики занялись ярким, алым огоньком.

Посчитав, что этого мало, он обратился к каменному изваянию:

— Одолжу у тебя еще кое-что, ладно?

Движением руки он сорвал тяжелые парчовые портьеры, украшавшие алтарь, и запалил их с нескольких сторон.

Наблюдая за этой пугающе отточенной последовательностью действий, Е Яньчжи почувствовал, как у него перехватывает дыхание:

— Ты...

Подобные фокусы заставили бы понервничать кого угодно.

Ткань мигом занялась, превращаясь в ревущие факелы. Коу Дун, аккуратно придерживая горящую материю, невозмутимо произнес:

— Гулять так гулять, чего мелочиться.

—???

— А-Цзай, — с пугающим энтузиазмом выдохнул Коу Дун. — Давай спалим эту дыру чертям собачьим!

—...

Крошечный спутник впал в ступор, не находя слов для ответа.

Поначалу он решил, что это просто глупая шутка.

Однако когда Коу Дун по-деловому присел у стены ближайшей деревянной хижины и принялся методично поливать сухие бревна лампадным маслом, до мальчика наконец дошло: этот безумец не шутит.

Он действительно собирался устроить пожар.

Пропитанные жиром полосы ткани змеями расползлись по сухой траве и деревянным мосткам, связывая дома в единую горючую цепь.

Коу Дун опустился на одно колено и медленно поднес к ним огонь.

Раздался сухой треск, и пламя жадно бросилось вперед. За считанные секунды огонь охватил направляющие нити, превращая тихий переулок в ревущую багряную реку.

Бушующее пламя озарило лицо Е Яньчжи, застывшего на чужом плече в немом изумлении.

Поскольку он привязался к Коу Дуну лишь во втором игровом мире, ему не довелось застать легендарный пожар в старинном замке. Теперь же, воочию наблюдая за действиями напарника, он понял: этот парень — прирожденный пироман. Тот с хирургической точностью находил несущие деревянные балки, щедро сдабривая их горючим. При этом Коу Дун умудрялся заливать масло и одновременно орать во всю глотку: «Пожар! Спасайтесь, люди добрые, горим!»

Животный страх перед огнем был заложен в самую суть местных жителей. Будучи призраками, они слишком хорошо помнили, как священное пламя в длани божества обращает непокорных в пепел. И пусть сейчас они вернули себе плоть и кровь, этот кошмар намертво въелся в подсознание. Хватило одного лишь крика, чтобы толпа содрогнулась от ужаса.

Даже понимая, что обычный огонь не причинит вреда их бессмертным душам, люди в панике ломились наружу, стремясь оказаться как можно дальше от голодных языков пламени.

Улицы тонули в дыму и огне. Подгоняемые жаром, крестьяне невольно бежали к единственному безопасному пятачку — площади перед святилищем. Коу Дун преспокойно устроился на каменном парапете у входа и, уподобившись пастуху, сгоняющему овец в загон, неторопливо вел подсчет обезумевших от страха жителей:

— Один, два, три...

—... Сто пятьдесят, сто пятьдесят один, сто пятьдесят два.

Он удовлетворенно замолчал.

— Ровно сто пятьдесят два человека, — резюмировал он.

— Значит, среди нас затесалось пять призраков, — подсчитал Е Яньчжи.

— Шесть, — поправил его Коу Дун.

Одного из них они разоблачили прошлой ночью, и его лампада в храме погасла навсегда.

Мальчик согласно кивнул, признавая свою оплошность.

— Получается, в самом начале расклад был равным: шесть живых душ и шесть покойников. Идеальный баланс.

Стоило ему озвучить вывод, как перед глазами замерцал полупрозрачный системный интерфейс:

[Пожалуйста, подтвердите, является ли данный ответ окончательным. В случае верного ответа вы мгновенно покинете копию игры.]

[А: Да]

[В: Нет]

[Внимание: каждое решение напрямую влияет на финал игрока. Пожалуйста, делайте выбор осознанно.]

— Это точно правильный ответ, других жителей в деревне нет, — уверенно произнес кроха.

До последнего человека сбежались на площадь.

И все же лицо Е Яньчжи оставалось хмурым. Что-то не давало ему покоя.

— Что не так? — спросил Коу Дун.

— Слишком уж просто, — покачал головой тот. — Не покидает чувство, что мы упускаем какую-то важную деталь.

Он знал повадки Иски гораздо лучше любого из смертных. Программа была одержима Коу Дуном. Чтобы навечно запереть парня внутри виртуальной тюрьмы, система готова пойти на любые уловки, выкручивая сложность на максимум и маскируя ловушки под простые решения.

А эта победа давалась им подозрительно легко.

Сверить списки, посчитать лампы... Для такого аналитика, как Коу Дун, задачка на пять минут. Нет, тут определенно крылся какой-то подвох.

Коу Дун лишь загадочно улыбнулся:

— Твоя правда.

С этими словами он уверенно нажал на кнопку «Нет».

Светящаяся рамка на долю секунды зависла — казалось, система разочарованно вздохнула, прежде чем раствориться в воздухе.

Устроившись поудобнее на его плече, Е Яньчжи озвучил свои подозрения:

— Один из игроков ведет себя странно.

— Кто именно?

— Та девица, что постоянно крутится вокруг тебя, — недовольно протянул кроха.

При воспоминании о ее наглых комплиментах вроде «какая у тебя тонкая талия» внутри у него все закипало от ревности.

— Она совсем не похожа на обычного игрока. Больше напоминает... коварного непися.

— Если она принадлежит к местным скриптам, система наверняка учла ее в общем числе призраков, — рассудил Коу Дун.

Так что переживать из-за одной конкретной фигуры не имело смысла.

— И все же тут что-то не сходится, — упрямо покачал головой тот. — Главный антагонист локации до сих пор не соизволил явиться лично. Нам подсунули лишь безмозглую каменную глыбу, которая маячит перед глазами целыми днями. Это просто нелепо. Интеллект у этого истукана явно недотягивает до уровня финального босса.

Коу Дун с гордостью посмотрел на своего маленького спутника:

— До чего же ты у меня смысленный.

От столь искренней похвалы Е Яньчжи даже слегка смутился.

Но заботливый папаша тут же добавил:

— Сразу видно, мои гены.

Е Яньчжи:

—...

«Какие еще к черту гены?!»

— Давай поищем еще, — предложил Коу Дун. — Кое-какие детали мы точно упустили.

Воспользовавшись тем, что охваченные паникой жители сгрудились на храмовой площади, Коу Дун пробрался в дом старосты. Перерыв личные вещи старика, на дне покрытого вековой пылью сундука он обнаружил увесистый фолиант в кожаном переплете. На обложке красовалось тиснение: «Книга заслуг».

Внутри содержался скрупулезный список всех подношений, которые жители когда-то делали своему прежнему, истинному покровителю.

«В такой-то день такого-то месяца такого-то года. Такой-то из деревни преподнес три цзиня лампадного масла».

«В такой-то день. Тот-то пожертвовал кувшин отборного вина и мешочек медных монет на благоустройство обители...»

Страницы пестрели однообразными записями. Божество хранило покой жителей на протяжении веков, и люди исправно платили ему дань уважения.

Коу Дун листал книгу дальше, пока у самого конца не наткнулся на странную строчку, резко выделяющуюся на фоне остальных:

«В такой-то день. Безымянный из соседней деревни преподнес чашу белого риса».

Всего несколько коротких слов.

Перечитав запись несколько раз, он пролистал оставшиеся страницы, но больше имя таинственного чужака нигде не упоминалось. В огромном фолианте это была единственная отметка о даре от неместного жителя.

Немного поразмыслив, Коу Дун аккуратно вырвал пожелтевший листок и спрятал его в карман.

Улучив свободную минуту, он разыскал Циньтуна. Парень, все еще мучимый чувством вины за бывшее предательство, готов был выложить любую информацию. Увидев листок, он долго хмурился, пытаясь пробудить угасающую память, пока наконец с размаху не хлопнул себя по лбу:

— Точно! Был один пришелец!

— Кто именно? — быстро спросил Коу Дун.

— Он не из наших, — торопливо пояснил Циньтун. — Из соседней деревни Гуцзя... Обычный оборванец, местный побирушка.

Собеседник тяжело, печально вздохнул.

— Правда, от этой деревни давно уже ничего не осталось. У каждого поселения должен быть небесный покровитель. Но, как сказывали старцы, их заступник так и не взошел на законный престол. Вот гнев земли и покарал их: во время страшного землетрясения всю деревню сровняло с землей. Ни одна живая душа не спаслась.

Циньтун ненадолго умолк, прикидывая что-то в уме, и приложил ладонь к груди, показывая рост.

— Мальчишка совсем, мелкий такой, едва до плеча мне доставал. Сирота круглый, родители рано преставились, заступиться некому было. В Гуцзя его никто не привечал, кликали «проклятым выродком» да «звездой бедствия», из каждого двора палками гнали... Я его у нас всего единожды видел. Он пытался пробраться к алтарю, чтобы подношение сделать, да староста его на горячем поймал.

— Ту самую чашу риса? — уточнил Коу Дун.

— Ну да, обычную горсть вареного риса, — махнул рукой Циньтун. — У каждого бедняка в казанке такая найдется, невидаль какая! Зачем богу этот копеечный мусор? Староста велел ему убираться и забирать свои объедки, но шелудивый пес вырвался и удрал. А подношение его так на алтаре и осталось.

Юноша недоуменно покрутил в пальцах листок:

— Старик совсем из ума выжил, раз занес этот вздор в списки. Какая же это «заслуга»? Смех один!

Коу Дун нахмурился.

— И вы... обошлись с ним именно так?

— А как же иначе? — удивился Циньтун. — От дешевой дряни никакого проку.

В понимании крестьян дары должны ломиться от роскоши. Дорогое выдержанное вино, спелые фрукты без единого пятнышка, упитанные туши жертвенного скота и тугие снопы золотой пшеницы — вот что приличествует подносить владыке небес. А какая-то жалкая плошка заветренного, полусгнившего риса, которую нищий оборванец, судя по всему, неделями берег для этого случая, выглядела форменным издевательством.

Такому бараклу место в помойной яме, а не у подножия священного трона.

Голос Коу Дуна стал ледяным:

— Истинная ценность дара определяется не его стоимостью, а глубиной чувств того, кто его преподносит. И уж точно не вам об этом судить.

Циньтун растерянно захлопал глазами, пытаясь что-то возразить, но Коу Дун не стал его слушать. Развернувшись, он скорым шагом покинул хижину.

— Сегодня в восемь вечера мы должны прийти первыми, А-Цзай, — тихо проговорил Коу Дун.

Малыш на его плече согласно кивнул:

— Верно. Если наш кукловод решит нанести удар, лучшего момента ему не найти.

Коу Дун практически полностью разгадал тайну этого проклятого места. Ему была известна численность призраков — стоило теперь вписать точную цифру выживших людей, как игра завершится безоговорочной победой. Скрывающийся в тени кукловод наверняка рвал и метал, понимая, что его триумф ускользает.

Чтобы удержать дерзкого игрока в своих владениях, у него оставалось лишь два шанса.

А именно — финальные круги голосования.

Вытяни он нужную карту и объяви Коу Дуна обычным смертным — и все, пиши пропало. Игра окончена.

Однако если удача отвернется от противника...

Впрочем, Коу Дун не испытывал страха. Присутствие Е Яньчжи давно исправило его Удачу ранга Е. Клеймо безнадежного неудачника стерлось, уступив место благосклонности фортуны.

Из беспросветной черноты неудач он шагнул в сияющий круг истинных любимчиков судьбы.

— Но полагаться на одно лишь везение глупо, — резюмировал Коу Дун. — Для победы нужны три столпа: правильное время, правильное место и верный расчет.

На погоду и устройство мира они повлиять не могли, а вот что касается человеческого фактора...

Коу Дун коварно сощурился, и в его голове со скоростью щелкающих счетов начал выстраиваться хитроумный план.

Ровно в восемь вечера Коу Дун первым переступил порог святилища.

Устроившись на самом крайнем стуле, он стал дожидаться остальных игроков. Суматоха в деревне наконец утихла. Из двенадцати мест сегодня было занято лишь восемь.

Предавший Рыбьего духа Смеющийся монах бесследно сгинул в бездне кошмаров.

Оставшиеся в живых хранили гробовое молчание. За прошедшие дни зловещий ритуал стал для них привычной рутинной. Даже каменный идол орудовал бамбуковым стаканом с поразительным проворством, яростно вытряхивая жребий.

С сухим стуком одна из палочек выскочила из общей массы и покатила по каменным плитам.

Великан неторопливо нагнулся, подобрал жребий и повернул его к присутствующим.

— Номер три... — едва слышно выдохнул кто-то в толпе.

Но прежде чем шепот успел затихнуть, с первого стула стремительно поднялась высокая фигура. Подобное нарушение протокола произошло впервые. Ошарашенные игроки вытянули шеи, наблюдая за Чжун Куем.

«Что этот сумасшедший задумал?»

Коу Дун, скрытый маской грозного экзорциста, молча зашагал к третьему стулу. Не говоря ни слова, он бесцеремонно схватил сидевшего там бедолагу и одним сильным толчком свалил его на пол, после чего вальяжно занял освободившееся место.

Остальные игроки:

—...

Идол:

—...

«Да ладно! Так вообще можно было?!»

Деревянные пальцы истукана мелко задрожали от злости.

Это было... верхом неслыханной наглости!

Сосед под номером четыре не выдержал и испуганно прошептал:

— Ты с ума сошел? Зачем место поменял?

— А в чем проблема? — с ангельским простодушием отозвался Коу Дун. — Разве правилами запрещено пересаживаться? Ограничений на этот счет никто не озвучивал.

—...

Ну да, прямого запрета не было. Но одно дело — пересесть до жеребьевки, и совсем другое — нагло занять выигрышное место прямо перед носом у ведущего!

Это же самое откровенное, бесстыдное шулерство!

Игрок под четвертым номером с ужасом воззрился на каменное божество, ожидая, что разгневанный бог испепелит наглеца на месте вместе со стулом.

Идол буквально исходил злобой, но, увы, системный код не предусматривал наказания за нерегламентированные действия. Пересадка не считалась нарушением.

Ни единого параграфа против смены мест.

Подавив рвущееся пламя ярости, гигант лишь буравил Коу Дуна тяжелым, обвиняющим взором, надеясь пробудить в нем хоть каплю стыда.

Увы, его противником был Коу Дун.

Под этим испепеляющим взглядом юноша преспокойно поднялся и грациозной походкой вышел в центр круга. Ни смущения, ни страха. Он небрежно окинул взором присутствующих, поднял руку и медленно повел указательным пальцем по рядам:

— Мой выбор падает на...

Игроки затаили дыхание. Каждому казалось, что палец экзорциста направлен прямо на него.

Рука сделала изящную петлю и резко замерла, указав на конкретную фигуру.

— Тебя, — твердо произнес Коу Дун. — Сделай шаг вперед.

Выбранный игрок растерянно указал пальцем на свою маску:

—... Я?

И это была не кто иная, как Божество очага — вчерашний Эрлан-шэнь.

— Именно ты, — подтвердил Коу Дун, не опуская руки. — Иди сюда.

Девушка нерешительно поднялась со стула и подошла ближе. Склонив голову, она тихо спросила:

— Ты ничего не перепутал? Почему именно я?

Коу Дун качнул головой. В его глазах читалась абсолютная уверенность.

— Ошибки быть не может. Это ты.

— Да ты сбрендил! — зашипела она. — Кем ты собрался меня объявить? Смертной? Хочешь моей гибели? Или решился назвать меня призраком, чтобы погубить самого себя?! Очнись наконец!

Сколько бы она ни сокрушалась, юноша оставался непреклонен. Поняв, что спорить бесполезно, Божество очага замолчала и покорно замерла, ожидая вердикта.

Окружающие ловили каждое слово, боясь пропустить развязку.

Кто же она? Живой человек?

Или мертвец?

Оправдает ли себя этот безумный риск Чжун Куя, или он совершил роковую ошибку?

Коу Дун молча вглядывался в маску собеседницы. До его чуткого обоняния вновь долетел едва уловимый аромат. Тонкий, благородный запах исходил вовсе не от одежд экзорциста, а от стоявшей напротив девушки.

Тонкие нотки благовонного сандала, который воскуривали лишь у священного алтаря.

От несчастного ребенка-сироты, клейменного «звездой бедствия» и отвергнутого всем миром, до могущественного, безжалостного Злого божества, которое в гневе стерло с лица земли целое поселение, мстя за поруганную святыню.

Пазл наконец-то сложился в единую картину.

И кто еще, кроме него, мог испытывать это неодолимое, непреодолимое притяжение, раз за разом возвращаясь подле Коу Дуна?

— Мой вердикт таков, — медленно, выделяя каждое слово, произнес Коу Дун.

Он пристально посмотрел в прорези ее маски.

— Ты не живой человек и не призрак.

В зале повисла мертвая тишина, которая через мгновение взорвалась бурей потрясенных возгласов. Сквозь этот гул голосов Коу Дун продолжил, повысив тон и не сводя глаз с застывшего Божества очага.

Силуэт девушки начал стремительно меняться, вытягиваясь ввысь. Ее хрупкое девичье тело налилось нечеловеческой статью и мощью, превращаясь в величественную фигуру, удивительно похожую на каменного идола у алтаря. Она замерла, окутанная плотной тишиной.

— Ты — божество. Ты — то самое новое божество, рожденное из праха и крови деревни

Шанхай.

<http://bllate.org/book/18984/1959613>